

Стреляй всех подряд, а Господь разберется!..

Оливия Элизабет Хамфри

Несмотря на то, что у Рико с Дитой были свои собственные, персональные комнаты, они еще в первый день решили, что по отдельности жить не будут. Слишком привыкли друг к другу, возможно даже вошли в привычку. Держались друг за друга очень крепко, понимая, что больше держаться не за что. И даже сейчас, когда стояли на земле прочно и уверенно, всё так же держались до боли в напряженных пальцах. Привычка, наверное.

И в их отношениях не хватало романтики. Категорически. По мнению, конечно же, Диты. В последнее время она всё была очень дерганной, переживала из-за этого монастыря, в котором они жили, не хотела знакомиться с людьми, но все-таки знакомилась, пообщалась со всеми людьми из своей жизни, так никого и не вспомнила. Узнала, что у неё есть дочь, которая не называет её мамой. Всё это Дита воспринимала слишком близко к сердцу, так что частенько срывалась на своем мужчине, и даже уже полагала, что они начали отдаляться.

Короче, девушка решила устроить сюрприз. У него в монастыре были дела, но они, как и всё в этом месте, подчинялись определенному, строгому порядку, так что Дита точно знала, когда он нагрянет. В день икс, за пару часов до часа икс она сходила в душ, тщательно привела себя в порядок, натерлась молочком, чтобы вкусно пахнуть, красиво уложила волосы. Притащила из комнаты заранее приготовленный плед, подушки, свечи, занавесила комнаты, устраивая в комнате приятный полумрак, всё красиво расставила, общипала пару раз, раскидала лепестки. На пледике была приготовлена клубника на тарелке, рядом взбитые сливки, по комнате красиво расставлены свечки. И, конечно же, она сама. В сногшибательном, сексуальном белье, которое он еще не видел, по причине его новизны, черное, кружевное, соблазнительное, чулки, подвязки, зачем-то туфли на высокой шпильке, в общем, подготовилась основательно.

Села на пледик, придала своему телу самое сексуальное положение, какое только можно было, и принялась ждать, благо придти он должен был скоро. И совершенно забыла, что замки на дверях - та часть цивилизации, которая до монастыря, видимо, так и не дошла.

Курук

Для Курука это был непростой день. Даже не то, чтобы непростой - очень важный день. Сегодня он-таки собрался с духом поговорить, так сказать, по-мужски с Николаем. Прошло уже много времени с тех пор, как они помирились. Но дружба все как-то не клеилась, общение было по-прежнему каким-то сухим и Курук вел себя как полный идиот в присутствии Николая. То заикнется, то глупость сморозит, то пошибче чего...

Сегодня он твердо решил провести своего кумира и не уходить из комнаты, пока тот не признает в нем друга. Он будет вещать заранее подготовленные фразы (несколько дней перед зеркалом репетировал. Тошно было на себя смотреть, но что

поделать!), никаких заиканий и непонятных телодвижений. Все точно и отработано. Парень не спал почти всю ночь, выглядел, как амеба, передвигался, к слову, также. Волновался за успех сего "предприятия". Дело это не обыденное, а гиперответственное, все-таки, не зря он за ним следил все эти дни, собирал информацию о младшем мастере. Оставалось надеяться на то, что его никто не спалил за этим делом, ведь расскажут же, определенно расскажут... К почти бесконечному перечню странностей парня добавится еще одна - и кому от этого будет лучше? ..

Парень даже одеться хотел было официально, но, взглянув на свой гардероб, только посмеялся. Пиджаки и рубашки он не носил со школьной скамьи. И вообще, ему всегда было пофигу, что одевать. Не голый - и то хорошо. Иногда он руководствовался принципом - чем больше одежды, тем лучше, старался всячески избегать футболок и шорт, Сегодня же, зараза, как назло 26 градусов было. Жарища такая, что сдохнуть можно. Поэтому, пришлось одеть те единственные шорты, которые у него были. И чертову футболку.

Но да ладно, это ему не мешает выступить на сцене с величайшим заявлением за все те годы, что он проживал в Храме. Покруче признания в любви будет. Хотя, это вообще сравнивать ни с чем не рекомендуется... Парень подошел к заветной двери. Постоял около нее еще минут пять, собираясь с мыслями... Сердце билось в бешеном ритме, дыхание сбилось, на лбу выступила испарина. Держать себя в руках. Держать себя в руках. Держать себя в руках!

В какой-то промежуток времени ему жутко захотелось заныкаться обратно в свою комнату и не выползать оттуда до осени. Вот чего ему приспичило летом решать столь важные вопросы? Нет, чтобы зимы дожждаться, тогда и с одеждой проблем нет и вообще, комфортнее в сто раз... От невнимательности Курук перепутал двери и стоял не напротив комнаты Николая, а напротив комнаты... другого человека. И без личного прорицателя этому парню жить просто нельзя, кто ж предупреждать-то будет? Своей головы на плечах ведь нет, обязательно надо во что-нибудь влипнуть...

Дверь парень не решился открыть. Вдруг Николай занят... своими делами? Тем более, сейчас лето, а если он его увидит без футболки, от зависти, наверное, сбежит отсюда. Нет, врасплох он его заставить не собирался, заслуженную минутку на переодеться он ему щедро подарит. Спустя несколько глубоких вдохов и выдохов, Курук переборол свою нерешимость и робко постучал в дверь. Опять захотелось сбежать в свою комнату. Да кто он такой, чтобы ломиться в ЕГО покои? Тревожить ЕГО сладкий сон? Беспокоить ЕГО своими нелепыми разговорами? Черт, как же все сложно-то, а... Аж вылетела из головы первая заготовленная на серьезный разговор фраза.

Не прошло и трех секунд, как парень сам вошел в комнату. Ибо им снова овладел страх. Он опять чуть не сбежал в комнату. Не терпелось вывалить все то, что он так старательно готовил к этому дню, наружу. Но там был не Николай и вообще не парень. Там его ждал сюрприз.

Лив.

Один вопрос - как?..

Курук так и остался стоять у входа с открытой чавкой. Он был в шоке.

Оливия Элизабет Хамфри

Самый очевидный вывод, который сделала Дита за те годы, что знала себя - люди не стучатся, когда собираются зайти в свою комнату. И даже Рико не стучал, хотя его комната, считай, не принадлежала ему полностью: в ней вполне могла оказаться она, Дита. Но что могла она делать в его комнате такого, чтобы ему понадобилось стучаться? Очевидно, что ничего. Поэтому, когда в дверь постучали, девушка заметно напряглась. Чуть приподнялась, и теперь сидела на бедре, да смотрела на дверь. Ей не очень хотелось, чтобы кто-то видел её в таком откровенном виде, и только теперь она вспомнила, что замка нет, а значит, зайти может кто угодно.

Так и случилось. Дверь открылась, в комнату влетел паренек, имени которого она не помнила. Что-то странное. Как, впрочем, и он сам. Всё, что о нём запомнила англичанка: он был у ворот, когда они пришли в монастырь, и он вел себя странно. Паренек замер на пороге и аж челюсть отвесил от изумления. Дита смерила его взглядом от головы до ног, обратно, снова от головы до ног, задержала взгляд у промежности и мысленно поблагодарила всевышнего, что хотя он и стоит тут, рот разинув, у него хотя бы не встало. А то было бы совсем как-то неприятно. Взгляд паренька был настолько удивленным, что девушка даже вдруг почувствовала себя преступницей. Приехала тут и как скотина последняя развращает местных монахов. Ужас прям какой-то.

- Пошел вон, - рыкнула она, поднимаясь на ноги. Ей было то ли смешно, то ли хотелось злиться, сама понять толком не могла. Но одно знала точно: эротическое настроение её покинуло. - Вон, я сказала! - рыкнула она уже более грозно, и теперь уже подтолкнула парня к порогу воздушными потоками. И лишь когда он оказался за дверью, Дита, как настоящая женщина, переменила своё мнение и теперь решила, что нет, рано ему еще уходить. На этот раз она преградила ему путь воздухом, остановилась в дверях, привалившись к косяку и намеренно принимая соблазнительную позу, почти ласково промурлыкала: - Что ты хотел?

Курук

А Лив сама виновата. То есть, Афродита двадцать первого века. Это ж надо было такое имя приобрести! Древнегреческая богиня красоты? Ну, знаете, сказать честно, она красива. Правда. Без всяких неадекватных реплик в ее адрес, без всего этого, чисто с мужской точки зрения. Привлекательна, да. Сексуальна. Неподражаема. Молода. Стройна. Да вообще, самый раз, но только, простите, не для Курука же она тут позирует, верно? Да и чувство ненависти к ней оказалось сильнее плотского влечения. Ведь и правда, у него даже не встал. Слишком сильный шок был. Сначала он подумал, что она выжила Николая из комнаты. Но быстро отогнал бредовую мысль. Просто, по счастливой случайности, он попал в чужую комнату. Блин, надо же, именно в комнату Лив. ГовноЛив. Унитазный Слив. Сифу-дьюмовочка. Кстати, к новому имени Дита не придумаешь ругательства и обидные слова. Тут же сама Афродита, как-никак. Еще в гадкого утенка превратит, если разозлишь ее...

Все-таки, даже эта стерва может быть такой красивой. Она кого-то ждала, очевидно,

не Курука, но почему-то парню не хотелось уходить сразу. Без боя он не уйдет. Черт, как же повезло тому, кого ждала Лив! Ведь ему она нравилась. Не бесила своими выходками. Возможно, если б не это идиотское отношение к Лив, все было бы иначе... Она ведь правда красива! Но в голове еще мелькнул образ Цири. Ему всегда хотелось сравнивать этих мастеров. И, что ОЧЕНЬ странно, Он не хотел бы видеть голую Цири. Она ему казалась воплощением справедливости и мудрости. Да, красива, но никаких желаний по отношению к ней! Она словно родилась учителем, а по Лив было видно, что та только и хочет, как... ну, вы поняли. Курук аж сам офигел. Значит, Цири круче ее, сильнее, мудрее, зато полуголая Лив его не смутила? Очень странно. Курука даже не смутили махинации Лив с воздухом, что его чуть не вытурили из комнаты.

А потом она приняла соблазнительную позу и ласково замурчала. Странная она, эта Лив.

- Ты - богиня красоты? - зачем-то выпалил Курук. Потом покраснел. Прикусил язык. Пора сваливать с этой адовой комнаты... Она ведь ждет любовника, да? И если он заметит его здесь, ему не поздоровится... Парень начал пятиться. К несчастью, он не попал в дверь напротив, в которой жил Николай, а уперся в стену. И все. Просто смотрел на Лив. И охреневал. С себя. Он же ее больше ненавидит, да? Ему ведь хочется ее смерти? Как ни странно, ни капельки...

Оливия Элизабет Хамфри

Если узнать Диту поближе, то довольно скоро становится понятно: у неё один ветер в голове. Мысли сумбурные, путанные, она то желает одного, а через секунду может кардинально изменить своё мнение и думать по-другому. Про таких говорят: семь пятниц на неделе. Казалось, что у Диты этих пятниц намного больше, чем семь. Зачастую она сама не понимала, почему ведет себя так, как ведет. Даже для самой Диты мотивы её поступков были загадкой, что уж говорить про других людей?

Одно она знала точно: ей нравилось нравиться. Дамьян правильно думал на озере: ей стерли память, но не изменили характер. Напротив, сделали его даже хуже, таким, какой он был в пору её молодости и юношества. В пору измен, интриг, скандалов и мордобоя. Если бы Дита помнила эту часть своего прошлого, она бы сказала, что скучает по тем временам. Если бы Дита помнила эту часть прошлого, она бы решила, что запросто может повторить всё то же самое.

Дита склоняет голову в поистине изящном, кошачьем жесте. Чуть суживает глаза, внимательно его разглядывая. Ей уже далеко не двадцать лет, она понимает мимику людей, умеет читать взгляды. Особенно это просто с мужчинами. Еще проще - с мальчишками. И восхищенные взгляды на этот раз от Диты не укрылись.

Она сомневается какую-то долю секунды. Что будет, если её увидят в таком виде? Что будет, если придет Рико и увидит её рядом с Куруком? В первом случае, Дита не сильно переживала: что-нибудь придумает. Во втором то же самое: что-нибудь придумает и объяснить. У испанца нет оснований ей не доверять.

Девушка расплывается в хитрой улыбке. - Ты так считаешь? Богиня красоты? Мне очень приятно... - голос мягкий, бархатный. Отлипает от дверного косяка и медленно направляется к парню, покачивая бедрами. Прошли те смешные времена, когда она училась ходить на каблуках и походка напоминала пьяного моряка. Всё уже совсем

по-другому.

Дита останавливается опасно близко рядом с Куруком, рука упирается в стену совсем близко с его ухом. Чуть наклоняется вперед: они почти одного роста, когда она на каблуках, а теперь, когда она наклоняется вот так, то может заглянуть ему в глаза снизу вверх, тем самым заискивающим взглядом, который позволяет мужчине решить: он выше, он сверху, он главнее и так далее. - Ты так и не сказал мне. Что ты хотел? - игриво поправляет воротничок его рубашки и улыбается.

Курук

Это же полный триндец! Взрыв мозга! Он, стоит здесь, изрядно смутившись, перед ним - Лив на каблуках... То есть Дита. Да, Дита. На Лив она как-то не смахивала больше... Старая, "добрая" Лив вышвырнула б его из окна, стопудов... Но Дита, кажется, обладала той же силой, что и Лив, и при всем желании могла размазать его одним пальцем по стене. Но не сделала. Хоть попытки и были предприняты. Но он не заметил их. Не заметил этих выступлений с магией воздуха. Он был слишком удивлен.

А Дита же... Обновленная Лив какая-то. И кто ее так прозвал? В точку же, в самую точку! Богиня красоты... Надо было не забывать, что Богиня ждала своего Бога, коим Курук не являлся. Но об этом следует думать потом. Сейчас он видел эту непривычную Диту-Лив и ему не хотелось ее ни бить, ни убивать, ни вообще причинять какого-либо вреда. Она ему казалась одновременно хрупкой и всесильной. Почти полуголая, такая беззащитная... Но она была одним из лучших магов монастыря и могла постоять за себя даже несмотря на отсутствие более половины гардероба. Пусть она и на каблуках, все рано была ниже его. Вот она подошла вплотную к нему... Он главный, да? Ему решать, что с ней делать? Она в его власти? Богиня разве может быть во власти простого смертного?.. И да, ей очень приятно это прозвище, стоит взять на заметку...

Чего он хотел? Язык мог бы наплести какой-нибудь глупости, а потом от него останется размазанное по стенке мокрое красноватое пятно. Дита в гневе будет очень страшна. Он когда-то хотел сделать ей больно? Он - самый безмозглый идиот на планете Земля. Разве такое можно думать о Ней?..

- Я... Я шел проводить свою Богиню, - казалось, говорил не Курук, а кто-то за него. Сторонний наблюдатель, или нет - шпион, лучше шпион, - поломал бы себе мозг над неразрешимой задачей. Что случилось с парнем? Он же собирался навестить кумира Николая? Какой кумир, когда перед ним полуголая Богиня, словно сошедшая с самого Олимпа... А и правда - зачем ей одежды? Они ведь Боги, такие, прихотливые - да и на небесах все свои, стесняться не перед кем. Это так, маскировка для смертных, чтобы не ослепли от ПРЕЛЕСТЕЙ...

Дамьян Кораев

Если бывают в жизни плохие дни, так это точно был один из них. И дело даже не в том, что он был бесполезен до последнего немогу, просто именно сегодня на него умудрились свалиться все напасти этого мира. За день Кораев умудрился три раза споткнуться, опрокинуть на себя миску супа, порезать палец, подставится под летящее с небо птичье дерьмо головой и сломать две сигареты, так чисто случайно. Во избежании продолжения чудес кармической радости, Дамьян решил, что нет

ничего лучше чем принять горячую ванну и отправится спать в свою комнату пораньше. Авось больше ничего не случится. Именно с такими намерениями он сейчас плелся по коридору корпуса мастеров, опоясанный белым полотенцем, румяный от горячей воды, даже немного бодрый и благоухающий какими-то травами. Одной рукой он поддерживал полотенце, в другой нес майку и штаны.

Вот только спокойно дойти до места назначения ему не удалось. Невдалеке от его комнаты в коридоре стоял явно немного пришибленный ученик и что-то там нечленораздельно лепетал своему собеседнику, от вида которого болгарина аж передернуло. Кажется у этой Дитоливии окончательно крыша поехала. Но что самое забавное, ни Курук, ни Хамфри его, кажется не замечали. Чтож, придется присоединиться к эротическому шествию. Кораев скинул лишние вещи направился к милой парочке, уже на подходе, когда они точно должны были его заметить болгарин не стесняясь выпалил.

- Милая, ну что же ты делаешь, я думал нас будет только двое. - После чего Дамьян не боясь травмировать психику парня, закинул ему руку на плечо, склонился к его уху и томно прошептал. - Ну что, проверим, кто из нас больше жеребец?

Оливия Элизабет Хамфри

Дита замирает в явной растерянности. Рука, которая до этого теребила его одежду, прекращает свои движения, и девушка медленно, словно от резкого движения она могла взорваться, ворачивает её "себе", да кладет на бедро. Ну... Это как минимум странно. Дита высокого мнению о себе и о своём внешнем виде. Всегда была. Однако не предполагала, что может производить на людей такое впечатление. У него, кажется, вот-вот слюна в подбородка закапает... И это, блин, ничуть не лестно. А как-то пугающе. Дита всё так же осторожно и плавно выпрямляется, складывает руки на груди, невольно закрываясь.

- Эм... Я даже не знаю, - и чего теперь делать? Просто зайти в комнату и продолжать заниматься своими делами? Продолжать общаться в таком ключе ей как-то не очень хотелось.

Дита так удивилась, что даже не заметила приближения Дамьяна. Вздрагивает от неожиданности, когда Дамьян вырастает буквально из ниоткуда. - Господи Иисусе, - раздраженно шипит сквозь зубы. Затем разворачивается и решительным шагом скрывается за дверью. Это не её комната и все-таки одежды хранится у неё. Поэтому девушка натягивает мужскую футболку, и теперь не выглядит так откровенно.

Снова возвращается в коридор и хмуро смотрит на Кораева. - Тебе лучше идти, - раздраженно махает рукой куда-то в сторону коридора. - Туда, куда шел.

Курук

Всю картину маслом испортил появившийся из ниоткуда мастер Кораев. Он был ну совершенно некстати. Абсолютно. Бесповоротно. Курук тоже вздрогнул от неожиданности, ему стало немного не по себе при виде старшего мастера. Так, значит, вот, кто сегодня выступал в роли Бога? Быстрый взгляд вниз, несколько секунд на обдумывание полученной естественным путем информации... А также анализ раздраженных реплик Афродиты... Ничего не сходится. Он не может быть Богом, он всего лишь случайный прохожий...

Но этот жест... Эти слова... По телу парня пробежал колющий холодок. Жеребец?.. Он будет насиловать ее? Ведь видно, что она не его ждала?..

А как вообще ему поступить? Ведь это - старший мастер, будто учителя увидел, да еще и полуголого, в одном полотенце... Вроде и не пошлешь, но и в мягкой форме не скажешь - статус не позволяет. Может, просто забить на него? Ведь он пришел сюда совсем не за этим...

Наваждение будто спало. Богиня теперь выглядела не по своему дресс-коду, и у парня, между прочим, до сих пор не стояло. Ведь он ее и не любил... Так, был очарован ею, на несколько секунд... И вообще, он ведь шел сюда за какой-то другой целью, да? Вот только за какой?

И уходить как-то не хотелось... Дита манила, пусть немного слабее, чем пару минут назад, но манила. Курук подошел к ее двери, встретился с ней взглядом. И молчал. Не знал, какие в таких случаях нужны слова... Какая-то часть разума понимала, что это, возможно, единственный шанс навсегда заключить с ней мир-дружбу-жвачку, но мозг категорично отказывался подавать нужные фразы "к столу"...

Дамьян Кораев

Эффект получился не такой бурный как того бы хотелось, но все же ему были не рады. Да на столько, что Дита (да, да, да, Кораев потихиничку начал привыкать в новому имени Оливии и теперь даже в мыслях мог иногда не ошибаться с этим делом) решила приодеться, а Курук, превратился в остолебеневший манекен, на котором болгарин мог себе позволить замечательно так и удобно повиснуть. Болгарин прямо таки распирала гордость за свое поведение и то что он умудрился подгадить происходящему. Хотя, что именно тут происходило он и не понимал, но точно считал это жутко неправильным. И не то чтобы он ревновал Диту или что-то в этом духе. Но Курук, он же пацан совсем, зачем так рано портить мальчик. Он то еще и не знает, что после бурной ночи с Дитой можно было оказаться в лазарете с ожогами разных частей тела, если конечно не быть к этому готовым.

- Зачем мне уходить? Тут явно намечается что-то очень интересное. — Кораев постарался выдать наиболее из доступных ему невинных выражений лица и уставился им на махающую руками Диту. — Тем более, зная твой темперамент, мальчику может понадобится помощь, да, дорогой?

Последнее обращение было уже адресовано Курук. Поверьте, болгарин даже жалел его, где-то очень глубоко в душе. Но никто не заставлял ученика попадать с столь неудачное место в столь неудачное время.

Оливия Элизабет Хамфри

Дита прикрывает глаза и делает несколько глубоких вдохов-выдохов. Из ноздрей вырываются светлые струйки пара, как если бы она курила чудные невидимые сигареты. Настроение девушки умеет портиться очень стремительно. И чтобы серьезно разозлиться, требуется, наверное, секунды две. Вот как сейчас. Неожиданно вся ситуация в целом начинает её бесить и раздражать. Что один, которого не учили стучать, и который уставился на неё, как баран на новые ворота,

что другой, который приперся и ведет себя так, как будто попал на представление. Причем, краем сознания Дита, в общем-то, понимала, что сама виновата. Нужно было быть внимательнее, а чтобы Дамьян не ощущал себя, как на представлении, не нужно было его устраивать. Но как можно, скажите на милость, противостоять соблазну покрасоваться? Особенно тут, в чертовом монастыре, где все такие правильные, строгие и якобы скромные. В своей голове Дита нашла сейчас ту причину, почему более чем десять лет назад Оливия так любила расхаживать по монастырю в шортах и коротких майках. Она, черт возьми, любила контрасты.

Всё, что знала Дита: что ей нельзя психовать, кидаться вещами и выпихать людей в окно, как бы ей этого не хотелось. Причем, в любой другой ситуации она обычно не ставила себе такие суровые ограничения, но сейчас вести себя так - ударить в грязь лицом. У них же представление, нет?

- Ну... С другой стороны, как я могу отказать своему бывшему мужу? - Дита делает шаг вперед, и пальцем стирает капельку влаги на шее болгарина. Чувствует себя не очень хорошо, но сама виновата, и в любом случае, всё уже должно скоро закончиться. Лишь бы сейчас Рико не заявился, иначе будет... не правильно. - Мне даже любопытно, какую ты можешь предложить ему помощь. Что скажешь... - тут Дита запинается, несколько секунд напряженно думает, а затем вздыхает: - не помню, как тебя зовут.

Эль Рико Семпере

Чтобы спорить с нервной Дитой - это надо иметь нереальное здоровье и нечеловеческую выдержку. Ни тем ни другим Рико не обладал, зная и о своей вспыльчивости, поэтому с ней не спорил, терпеливо выслушивал все ее претензии и истерики, затем обнимал, целовал в висок и просто ждал, пока она успокоится. В данной ситуации он не знал, чем ей еще помочь. Он обеспечил безопасность, насколько это вообще возможно, но он не мог заставить ее вспоминать, да и не хотел, чтобы она вспоминала. Прошрое на то и прошрое, чтобы оставить его позади. И все же прошрое преследовало - каждый раз, когда бывал в Лхасе, его преследовало чувство, что за ним кто-то наблюдает. Что он на виду, что стоит ему повести себя чуть более неаккуратно, как вероятность вернуться в монастырь стремительно упадет до нуля. И все равно Рико ездил в Лхасу, слушал, искал связи и пытался что-то выяснить про Асаку и его организацию. Японцы, кажется, затаились, про них ничего не было слышно уже какое-то время, что позволило Даниэлю слегка расслабиться.

Сумка с апельсинами была по бедру, когда он возвращался из деревни в монастырь, перед уходом предупредив Диту, что вернется через пару часов максимум, впереди виднелись главные ворота, и было в этом что-то такое умиротворяющее, знакомое, словно из прошлого, того прошлого, что было до всей этой черноты, когда он еще пятнадцатилетним пацаном бегал по улицам Барселоны с поручениями отца. Как там его старик, надо бы проведать, но все не до этого. К жилому корпусу Рико подходил в настолько хорошем расположении духа, насколько это вообще было возможно, а увиденное на веранде еще издалека ощутимо подняло градус заинтересованности в происходящем.

Итак, мы имеем - Дита в его футболке, вроде бы скрывающая все самое важное, но и оставляющая ноги на всеобщем обозрении, паренек с голодным и смущенным

видом и парень в банном полотенце. Как говорится, perfecto. Рико поднялся на крыльцо и, деловито обойдя кучкующихся у двери, обнял Диту за талию, поцеловав в знак приветствия.

- ¿Por qué соño?* - задал он вполне ожидаемый вопрос, по привычке перескочив на испанский, затем еще раз осмотрел местный контингент уже более внимательно, сделал кое-какие свои выводы и добавил уже на китайском, обращаясь преимущественно к Дите: - Соблазняешь местное население? Осторожнее, вот у этого, - он небрежно кивнул на Курука, имя которого к сожалению, или наоборот к счастью для последнего, не помнил, - сейчас слюна побежит. не захлебнулся бы.

* С точки зрения морали и этики приводить перевод будет неправильным.

Курук

Безобразия. Картина должна быть нарисована одним автором. В главных ролях - Дита и Курук. Но сначала вмешался другой художник, наверное, от слова "худо", пририсовал мастера Кораева, полуголого, между прочим. Парад полуголых девиц и парней, наверное, не мог остаться без внимания, ведь одежды и так не было на бывших любовниках, и до плотского контакта оставалось всего ничего... И если бы не вмешался третий художник, преимущественно писатель, с отменным вкусом, неизвестно, чем бы все это закончилось. А под его чутким руководством в сию картину было добавлено третье, хотелось бы верить, что последнее, лицо.

У Курука была идиотская привычка вешать ярлыки на всех и вся вне зависимости от степени знакомства. Причем ярлыки то были довольно-таки обидные. Вот, на Эль-Рико у него сейчас нашелся очередной ярлык. Качок-мастурбатор...

Курук не был готов к такому бурному выплеску эмоций. Но, увы и ах, он пока еще герой этой картины, которая, возможно, в обозримом будущем будет продана за миллионы. Сначала, этот сладко-пошлый тон мастера Кораева, псевдобожка, жалкого кандидата в подметки Лив. То есть, Афродиты. Затем внезапное изменение в настроении богини, и какие-то ссылки на него, Курука! Его не игнорируют? Предлагают какую-то помощь? Не захлебнуться в собственной слюне - дело, отнюдь, не простое, и если б не появление Эль-Рико, она б непременно попала в дыхательные пути. Сильнейшая волна ужаса захлестнула парня. Коленки дрожали. Казалось, весь мир перевернулся. Неужели, это и есть её Бог? Жопа какая-то, на что они с мастером Кораевым позарились, да он же их одним ударом положит...

- Я, эээ... Я, пожалуй, пойду, - еще б заикой не остаться. Художник-графоман явно издевался над парнем, он будто питался его страхами и неуверенностью.

Дамьян Кораев

Какая прелесть, теперь вся компания была в сборе. И кажется, Дамьян начинал получать искреннее удовольствие от происходящего. Кажется только его вся эта сцена не трогала за живое ни капли. Кто-то искренне бесился, кто-то негодовал, а у кого-то, кажется начинали дрожать колени. От слов на незнакомом языке болгарину стало еще смешнее. Однако первым решил встрять Курук. Вот так вот просто? Просто пойдет, нет, никуда он не пойдет, нечего попадать в столь щекотливые ситуации. Уходить надо было раньше, когда еще был шанс остаться в стороне.

Болгарин с сильной сжал плечо парня.

- Куда это ты собрался? Самое интересное только начинается. - Болгарин перевел взгляд с молодого человека и теперь уже смотрел на Рико, о да, на того самого Эль Рико. Черт, кажется сейчас в нем должна была бушевать ревность, но нет, что-то шло не так, не получалось и все тут. А вот мерзкую улыбочку он со своего лица стереть не мог, злорадство играло в его сознании главную партию. И простите, это была не ревность, просто Рико ему не понравился, вот так вот с первых слов. Просто не понравился, или не понравились эти самые слова. - Вот и наш горе лавелас пришел, сейчас будет дуть ноздри и строить из себя мачо. На его примере, я могу тебе рассказать пример самцового поведения. Только что он дал нам понять, что она не местный, а значит лучше, и как сильно нами брезгует, демонстративно разговаривая на чужом языке. Между прочим, скорее всего он нас оскорбил. А еще, он явно хвалится самочкой, так как говорит на китайском. Более показательным было бы только если он поимел ее перед нами в придачу размахивая плакатом с надписью "А вам не дали!". А еще, скорее всего, он даст мне по морде, хотя нет, он мне не даст по морде, это сделает Она. - Кораев перевел взгляд на Оливию! - Ведь она знает, что просто так себя бить я позволю только даме.

Оливия Элизабет Хамфри

Если человека можно было бы охарактеризовать эмоцией, Дита в 90% случаев представляла бы собой чистейшее, потрескивающее и урчащее раздражение. А в данный конкретный момент любой неприкрытый ментальным щитом ученик мог бы испытать на себе удушающие волны сильных негативных эмоций, которые излучала англичанка. Когда же в корпусе мастеров появился Рико, кстати говоря, примерно в тот момент, когда она подумала о том, что лучше ему задержаться где-нибудь, девушке и вовсе захотелось застонать, сползти по стеночке, и там внизу, никем замеченная, уползти обратно к себе в комнату и больше сегодня не высовываться. Как жаль, что удовольствие это было для неё непростительное.

Больше ей не хочется притворяться и не хочется играть. Дита поворачивается к Куруку и недобро щурится: - Скажешь, зачем вломился ко мне в комнату, и можешь проваливать, - и хотя Дите приходилось узнавать Кораева, что называется, заново, некоторые черты его характера уже успели стать для неё очевидными. Он не мог промолчать, любит устраивать цирк, а прямо сейчас вёл себя, как идиот и ребенок. Но злить у него получалось замечательно, стоит ему отдать должное.

Дита обводит мужчин блестящим от злости взглядом, невольно задумываясь о том, как все они вчетвером сейчас смотрятся со стороны. Ей хочется заявить о том, что Кораев и сам не гнушается разговаривать на своем родном языке, прекрасно зная, что человек ничего не понимает. Но то были обрывочные воспоминания, то, что он насильно поместил ей в голову. За их достоверность она не ручалась, а еще воспоминания представляли собой кашу без какого-то особого хронологического порядка. Кораев сделал всё только хуже, окончательно запутал.

Слово "самочка" неприятно режет слух, но Дита не меняется в лице и внешне не показывает своё усиливающееся раздражение. Аккуратно делает шаг в сторону, высвобождаясь из объятий Рико, потому что прямо сейчас она злилась на всех вокруг, даже на испанца, хотя и не было на то какой-то причины. Вот так вот неприятно под раздачу попадало всё, что оказывалось на пути, когда она злилась.

- И ты думаешь, что ты лучше него, - это не звучало, как вопрос. Дита делает

несколько шагов к Кораеву, заглядывая ему в глаза снизу вверх. Ладонь ложится ему на шею. Титаническим усилием воли ей удастся лишить своё лицо следов раздражения, всё же, Дита - не Оливия, и какие-то эмоции она скрывать научилась. Возраст берет своё.

Переводит задумчивый взгляд на Рико, словно оценивает и что-то взвешивает, но сознание слишком цепко ухватилось за последнюю реплику Кораева. И пользуясь своей близостью, Дита вдруг с усилием вскидывает колено, целясь аккуратно в промежность болгарину. Со всей силы человека, который не один месяц посветил совершенствованию своего тела, и который в этом преуспел.

- Очень мило, что ты предупредил и облегчил всем жизнь, - Дита фыркает, и голос вновь звучит жестко, хотя еще несколько секунд назад она старалась звучать расслабленно, растерянно и задумчиво. Девушка отступает от бывшего мужа, но не уходит, видимо желает насладиться результатом своих действий.

Эль Рико Семпере

Происходящее начало напоминать дешевый цирк. Парни нетрадиционной ориентации, в полотенцах, со стеклянными взглядами, Дита в его футболке, пытающаяся от них что-то добиться дельное, мужик со шрамом, треплющийся на каком-то незнакомом языке но, судя по всему, по ухмылочке, которую Рико мастерски скопировал, говоривший не самые лицеприятные вещи. А вот слова и действия Диты немного прояснили ситуацию, впрочем, не очень сильно. Эль Рико так и не понял, кто там кого лучше, потому что он давно вырос из того возраста, когда можно размахивать пистолетом, прогуливаясь по коридору и направо-налево предлагать помериться богатырскими силами.

Да ему было с высокой колокольни Санта-Мария-дель-Пи плевать, кто там с кем и каким образом тусуется по ночам, в полотенцах и без, в каких позах и сколько раз. Дружат - и хорошо, Эль Рико не был яростным противником однополых отношений, лишь бы его при не трогали не требовали от него воевать за возможность однополых браков и прочей ерунде, которая ему была интересна примерно в той же степени, насколько может быть интересен земляной червь, выползший после дождя на дорогу. То есть в самой минимальной.

- Amigo, остынь, - тоном свойского парня ответил Рико, обращаясь к тому, что в полотенце, и наслаждаясь действиями Диты. Умница, девочка, не дает себя в обиду.

- Разве я могу с тобой соперничать, что ты, и не подумал даже. Вы с твоим дружкой замечательно смотрите вместе, советую вам не стесняться своих отношений, а у нас с Дитой найдется чем заняться, чтобы вам не мешать. Верно, родная? - уточнил он у девушки и, обняв ее за упругое бедро, увлек за собой в комнату. Во имя святой Марии, ну не может девчонка выглядеть так соблазнительно в его футболке, чтобы просто так не обратить на это внимания. У них есть дела поважнее, чем точить ляды в коридоре под дверь.
